

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА КОНФЕССИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО ПРИКАСПИЯ¹

Д. А. Черничкин, М. С. Топчиев, А. В. Рогов

Черничкин Дмитрий Алексеевич.

Эл. почта: chernichkin95@mail.ru. ORCID 0000-0002-9647-7916.

Топчиев Михаил Сергеевич.

Эл. почта: seo.gfn@gmail.com. ORCID 0000-0001-8296-6631.

Рогов Александр Владимирович.

Эл. почта: alexr.89@mail.ru. ORCID 0000-0002-3512-8317.

Институт исследований проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, Астрахань, 414056, Россия

Аннотация. Проблемы коллективной идентичности, культурной или, в ряде случаев, религиозной, с конца прошлого века становятся важным фактором как конфессиональной, так и социетальной безопасности. Объектом таких исследований являются конкретные социетальные сообщества или определенные социальные пространства. В данной статье объектом исследования стала студенческая молодежь региона российского Прикаспия, а предметом — влияние уровня религиозной идентичности на конфессиональную безопасность студенческой молодежи российского Прикаспия. Точкой отсчета стали региональные исследования, проведенные в последние 10 лет специалистами республики Калмыкия, Республики Дагестан и Астраханской области. Цель данной статьи — выявление уровня конфессиональной безопасности российской части студенческой молодежи Прикаспия. Для этого в ноябре — декабре 2020 г. были проведены социологические исследования среди студентов высших учебных заведений региона российского Прикаспия (N – 732). Метод получения первичной социологической информации: раздаточное электронное анкетирование с использованием сервиса Survey Studio. Погрешность выборки — не более 3%. Инструментарий и матрица исследования разработаны авторами. В процессе исследования был выявлен достаточно высокий уровень религиозности студентов, преимущественно за счет Дагестана и Калмыкии. Основным фактором формирования религиозной идентичности явился человеческий, институциональный фактор, который ярче всего проявил себя в Калмыкии, а виртуальный — в Дагестане. Результаты исследования показали, что молодежь Прикаспия настроена толерантно, но не ощущает ответной толерантности в достаточной мере как на общероссийском, так и на региональном уровне. Наиболее толерантными им представляются их собственные учебные заведения. Не признавая за религией социетального будущего, как за системным регулятором, тем не менее, значительное большинство студентов, причем как верующих, так и неверующих, признает ее неким гарантом безопасности.

Ключевые слова: религия, идентичность, Прикаспий, конфессиональная безопасность, социетальная безопасность, молодежь.

Введение

В вопросах безопасности в последнее время на первый план выходят проблемы не только и не столько межгосударственного масштаба, сколько социального, обусловленные как внутренними конфликтами, так и внешними рисками и угрозами. Осмыслению этого поворота в исследованиях безопасности мы во многом обязаны

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10064) «Трансформация механизмов формирования постратегической модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

Копенгагенской школе (Buzan, Waever, de Wilde, 1998; Busan, 2014) и их концепции «социетальной безопасности». Несмотря на то, что у концепции имеются не только сторонники (Butler, 2007; Sundelius, 2016), но и критики (McSweeney, 1996; Williams, 2003), она имеет достаточно широкое распространение. Подробнее мы писали об этом ранее (Романова, Черничкин, 2018; Романова, 2021).

В основе идеи социетальной безопасности лежит гипотеза о том, что одна из главных проблем современного общества состоит в угрозе трансформации коллективной культурной идентичности современного человека. Проблема идентичности в последние десятилетия остается весьма дискуссионной как в России, (Семененко, 2017; Астафьева, 2016; Заковоротная, 2014; Брезгина, Василькова, 2015; Коньков, 2016; Демичев, 2018), так и за рубежом (Kasza, 2017; Zhang, Nang Fong, Li, Phong Ly, 2019; Xiao, Van Bavel, 2019; Oyserman, Elmore, Smith, 2012; Neely, 2013; Sanjoy, 2019).

Такие изменения в идентичности происходят по целому ряду причин, прежде всего, социального характера: миграции, мобильность, экономические кризисы, экологические катастрофы. Каждый раз объектом исследования социетальной безопасности становится конкретное социальное пространство на определенной территории. Такое пространство рассматривается как группа общностей, обладающих сложившейся коллективной идентичностью. Это может быть как культурная и этническая идентичности, так и конфессиональная. Эта идентичность является основой так называемого «социетального сообщества» (термин Т. Парсонса), обладающего единой культурной или конфессиональной ориентацией, которую оно вынуждено сохранять для того, чтобы выжить (Парсонс, 1993). При насильственных попытках дестабилизировать эту идентичность сообщество начинает реагировать на эти процессы самыми различными способами, в том числе и деструктивными.

Концепция социетальной безопасности применялась как рабочий инструмент преимущественно к европейским территориям, чаще всего к району Балтики (Spruds and etc. 2018), но есть и примеры применения ее к изучению других проблемных конфликтогенных зон (Asiimwe, 2019; Ahmadian, 2019). Объектом анализа может служить как территория в целом, так и отдельные сообщества, такие как, например, русскоговорящие сообщества на территориях бывших советских прибалтийских республик (Ozolina, 2016).

В применении к европейским территориям с исторической доминантой христианства и с поправкой на современные мультикультурные процессы, обусловленные активной миграцией, главным объектом концепции социетальной безопасности являются сообщества, связанные, прежде всего, коллективной культурной идентичностью. Исследования в области социетальной безопасности часто применяются к сообществам, имеющим иную коллективную культурную идентичность, нежели большинство, и ощущающим на себе давление автохтонной культурной идентичности, и, соответственно, предпринимающим ответные шаги давления (Романова и др., 2017).

Мы предполагаем, что, представляя собой в определенном смысле универсальную концепцию, она может быть применена и к другим территориям, которые можно воспринимать как некую целостность. И эта территория может захватывать, в том числе, и проблемные зоны Российской Федерации. Тем более что в последнее время возникает интерес к концепции социетальной безопасности и в России (Шишаев, Яковлев, 2017; Родионова, Мамаева, 2020). Точкой отсчета на этих территориях может стать и конкретный тип идентичности, и конкретная сфера безопасности:

культурная, экономическая, экологическая. Однако есть территории, где коллективная культурная идентичность достаточно долгое время сцементированная русской, а потом советской культурой, после распада СССР превратилась в сложную мозаичную структуру, где основной коллективной идентичностью сообществ стала профессиональная составляющая, часто взаимосвязанная с этничностью. Такой территорией является в частности российский Прикаспий, где состояние профессиональной идентичности², особенно молодого поколения, является важным фактором сохранения безопасности.

Религиозная идентичность студенческой молодежи в профессиональном пространстве Прикаспия: региональные исследования

Термин «Прикаспий» начал входить в научный оборот с XVIII в., им русские географы обозначили территории, прилегающие к Каспийскому морю. Прикаспий условно разделен на четыре части, ориентированные по сторонам света. В нашей статье мы исследуем идентитарные процессы, происходящие на российской территории Прикаспия, в которую входит часть Северного Прикаспия, представленная Астраханской областью и Республикой Калмыкия, и часть Западного Прикаспия, представленная Республикой Дагестан. Эта территория уникальна тем, что на ней исторически представлены и развиваются в настоящий момент три мировые религии. Несмотря на то, что российский Прикаспий (РП) не избежал общих глобализационных и мультиконфессиональных процессов трансформации религиозного ландшафта, представительская пропорция трех мировых религий там до сих пор сохраняется. Попробуем охарактеризовать его молодежную студенческую, а значит перспективную составляющую, исходя из регионального научного дискурса.

Древнейшая мировая религия — *буддизм*, представлена преимущественно на территории Республики Калмыкия, хотя небольшой процент буддистов проживает и в Астрахани. Поскольку буддизм исторически так или иначе связан с этнической принадлежностью калмыков, профессиональный ландшафт *Республики Калмыкия* во многом зависит от этнического состава населения. И если перепись 1959 г. показала в республике 35,10% калмыцкого населения и 55,91% русского, что связано с предшествующими трагическими историческими событиями — депортацией калмыков, то в 2010 г. калмыков уже насчитывалось 56,2%, а русских — 29,6% (Все-российская перепись..., 2010). Изменение этнических пропорций повлияло на изменение молодежного религиозного ландшафта. И это связано с религиозной идентичностью современного студенчества.

Важность изучения этого фактора показала и активизация региональных исследований в области изучения религиозной идентичности студенчества. Они проводятся достаточно регулярно различными исследовательскими командами, преимущественно с помощью количественных социологических методов. Иногда локально в Калмыкии (Александрова, Хухлаев, 2017), иногда в сравнении с другими буддийскими российскими регионами — Тувой и Бурятией (Бадмаев и др., 2020).

Среди студенческой молодежи, по данным социологического опроса, проведенного в 2014 г. Институтом этнологии и антропологии РАН в Приволжском, Северо-Кавказском, Центральном и Южном федеральных округах (N – 300), процент

² В данном исследовании мы будем использовать термины религиозная идентичность и профессиональная идентичность как синонимы.

калмыков был несколько выше — 72,2%, чем в целом по региону, если следовать переписи, что указывает в том числе и на старение русского населения Калмыкии. Из опрошенных 63% относят себя к буддистам, 14,3% считают себя и русскими, и одновременно православными. Мусульмане представлены в студенческой среде Калмыкии в минимальных пропорциях — в пределах 2% (Волгин, 2017).

Последние исследования в области религиозной идентичности калмыцких студентов показали, что для 75,3% опрошенных — буддизм является неотъемлемой частью российской истории (Бадмаев и др., 2017), хотя это не гарантирует их исторической грамотности в этой области. Для многих калмыков буддизм «является сегодня не только мощным этно-консолидирующим фактором, но и средством выхода на авансцену мировой культуры» (Мулянова, 2009).

Республика Дагестан представляет собой район Прикаспия с доминированием исламского населения. Если в 1959 г. в Дагестане проживало около 20% русского населения, то в дальнейшем этот показатель неуклонно снижался, и в 2002 составил 4,69%, а в 2010 г. уже — 3,6% (Ильяшенко, 2012). Естественно, что это повлияло и на пропорциональность конфессионального состава населения.

Поскольку в отношении конфессиональной принадлежности мы не можем оперировать абсолютными числами, в силу того, что этот компонент в переписи населения не учитывается, мы можем говорить об относительных цифрах и, прежде всего, применительно к конкретному слою населения — студенческой молодежи, которая является наиболее исследуемой в этой области.

Наличие определенной доли русского немусульманского населения позволяло Дагестану позиционировать себя как поликонфессиональный регион. Однако последнее время он практически превратился в регион с явным доминированием мусульманского населения. Причем динамика роста религиозной мусульманской идентификации среди молодежи Дагестана весьма значительна — от 22,5% в 1999 г., до 71,5% в 2011 г. (Абдулагатов, 2012). По данным других социологических опросов о своей приверженности исламу заявляют от 80 до 90% респондентов (Рабданов, 2017). Последние исследования, проведенные в 2020 г. сотрудником ДНЦ РАН Ю. Д. Джабраиловым, показали, что дагестанская студенческая молодежь в большинстве своем считает себя верующими — среди опрошенных респондентов (N – 565), мусульманами признают себя 88%, христианами — 3%, агностиками и атеистами — 1% (Джабраилов, 2020). Причем ислам в Дагестане рассматривается как этническая традиция, часть национальной культуры (Абдулагатов, 2012), хотя он на данный момент не является однородным.

В целом по данным социологических исследований, несмотря на то, что наибольшую общность дагестанцы ощущают с соратниками по вере — 62,5% (Джабраилов, 2020), они достаточно веротерпимы к иноверцам и 81,9% готовы принять иноверца в качестве начальника, 89,4% — коллеги, 91,8% — соседа, 77,8% — друга, но только четверть опрошенных согласна принять их в семью (Джабраилов, 2020).

Однако, несмотря на проявленный высокий уровень толерантности, если исходить из результатов социологического исследования, проведенного в Республике Дагестан среди молодого поколения (от 18 до 25 лет) в 2017 г., который охватил 1220 респондентов, только 9,1% опрошенной молодежи оценивают религиозную ситуацию в Дагестане как мирную (Мамараев, 2018), что говорит о зафиксированном низком уровне конфессиональной безопасности.

Что касается *Астраханской области*, то этот регион исторически сложился как поликонфессиональный. В Астраханской области исторически доминировало

русское население, численность которого неуклонно снижается, если сопоставить переписи населения последних десятилетий: в 1989 г. доля русского населения составляла 71,9%, в 2002 г. — 69,6%, то в 2010 г. — 67,6%. Снизилась и доля еще одного исторического этноса в данном регионе — татар, зато увеличилась доля казахов и других народов, преимущественно кавказских, исповедующих ислам.

Если говорить о конфессиональном составе, то на конец XIX в., по данным астраханского статистического комитета, соотношение верующих было следующим: 63,8% — православных, 25,1% — буддистов, 7,8% — мусульман (Романова, Карабущенко, 2007). На 2004 г., по прогнозируемым данным региональных исследователей, верующие в регионе были представлены приблизительно в следующих пропорциях: христиане — 30% мусульмане — 25%, буддисты — 1%, неверующие — 40% (Викторин, Идрисов, 2004). Наши исследования 2015 г. среди астраханского студенчества показали следующую стратификацию: христиан — 45,1%, мусульман — 30,6%, буддистов — 2,3% (Топчиев, Дрягалов, 2016). Общая религиозность — 65,3% (Топчиев, Дрягалов, 2016).

В целом, исследования религиозной идентичности молодёжи, проведённые авторами статьи в рамках различных проектов в 2015 г. (Топчиев and etc., 2016) и 2018 г. (Romanova and etc, 2019), в Астраханской области при объёме выборочной совокупности, равной 433 респондентам, в первом случае, и 350 респондентам — во втором, продемонстрировали динамику снижения числа респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, относящих себя к людям, исповедующим какую-либо религию, с 65,3% до 56,8%.

В силу ограниченности объёма статьи мы проанализировали только часть результатов региональных исследований, посвященных религиозной идентичности студенческой молодежи. Однако все они узко локальны, комплексных же исследований, охватывающих всю территорию РП практически нет. Однако в последнее время искомый регион становится важной геополитической территорией, лакмусовой бумажкой стабильности и безопасности не только Юга России, но и всего Каспийского макрорегиона. А если учитывать роль конфессиональной идентичности в системе социетальной безопасности и значение молодежной студенческой страты в обеспечении безопасности региона в перспективе, то становится понятно, что анализировать ситуацию нужно панорамно.

Цели и задачи исследования

Основная цель — выявить уровень конфессиональной безопасности российской части студенческой молодежи Прикаспия. В соответствии с поставленной целью решались следующие исследовательские задачи:

- сравнить конфессиональный состав студенческой молодежи РП;
- обозначить основные факторы формирования религиозной идентичности студенческой молодежи в данном регионе;
- выявить уровень толерантности и конфессиональной безопасности среди молодежи РП.

Методы и процедура исследования

Основным методом данного исследования стал количественный социологический опрос, проведённый в период с ноября по декабрь 2020 г. с целью выявления уровня конфессиональной безопасности студенческой молодежи российского Прикаспия

Таблица 1. Уровень религиозности студенческой молодежи в регионах, %

Table 1. The level of religiosity among student youth in Astrakhan region, Dagestan and Kalmykia, %

Вопрос Question	Варианты ответов Multiple choice	Всего, % General	Астраханская обл. Astrakhan reg.	Дагестан Dagestan	Калмыкия Kalmykia
Относите ли Вы себя к людям, исповедующим какую-либо религию? Do you profess a religion?	Да Yes	65,4	56,4	80,6	71,5
	Нет No	34,6	43,6	19,4	28,5

пия. Выбранными регионами стали: Астраханская область, Республика Калмыкия и Республика Дагестан. В качестве объекта исследования выступали 732 студента высших учебных заведений вышеуказанных регионов. Предметом данного социологического исследования является влияние уровня религиозной идентичности на конфессиональную безопасность студенческой молодежи российского Прикаспия. Используемыми социологическими методами стали: опрос в форме раздаточного электронного анкетирования (количественный метод).

Метод получения первичной социологической информации: раздаточное электронное анкетирование с использованием сервиса Survey Studio. Погрешность выборки — не более 3%. Инструментарий и матрица исследования разработаны авторами исследования. Распределение по гендерному признаку составило: 32,2% — респонденты мужского пола, 67,8% — респонденты женского пола. Выборка: целенаправленная, методом типичных представителей, основными признаками отбора являются: регион проживания, возраст и пол. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 21.

Результаты исследования

Отправной точкой наших исследований был, как, впрочем и многих исследований наших коллег, вопрос об уровне религиозности современного студенчества РФ. На вопрос «Относите ли Вы себя к людям, исповедующим какую-либо религию?», большинство участвовавших в опросе студентов ответили, что исповедуют какую-либо религию (65,4%), не относят себя к исповедующим какую-либо религию (34,6%) респондентов. Однако относительно высокий процент религиозности в исследуемом регионе обеспечивается за счет практически моноконфессиональных регионов: Республики Дагестан — 80,6% и Республики Калмыкия — 71,5%. Что же касается Астраханской области, то там самый низкий процент религиозности, причем согласно нашим предыдущим исследованиям 2015, 2018 и 2019 гг. (Romanova and etc, 2019), он неуклонно снижается с 65,3% в 2015 г. до 56,4% в 2020 г., т.е. практически на 10% (см. табл. 1).

Ориентируясь на полученные данные, следует отметить, что в регионах российского Прикаспия чуть более половины опрошенных (50,9%) исповедуют ислам, христианство — 25,4%, буддизм — 16,9%. Несмотря на то, что и в Астраханской области имеются буддийские объединения, среди опрошенных они представлены не были: студенты, исповедующие буддизм, в данном исследовании представлены исключительно на территории Республики Калмыкия. Наибольший процент христиан наблюдается лишь в Астраханской области, при этом не составляя абсолютное

Таблица 2. Конфессиональное распределение студенческой молодежи РП согласно выборочной совокупности исследования, %

Table 2. Religious distribution of student youth in Astrakan region, Dagestan and Kalmykia according to the sample study, %

Вопрос <i>Question</i>	Варианты ответов <i>Multiple choice</i>	Всего, % <i>General</i>	Астраханская обл. <i>Astrakhan reg.</i>	Дагестан <i>Dagestan</i>	Калмыкия <i>Kalmykia</i>
Какой религии или мировоззрения Вы придерживаетесь? <i>What religion do you profess?</i>	Христианство (православие) <i>Christianity (Orthodoxy)</i>	24,4	46,9	0,7	9,3
	Христианство (католицизм) <i>Christianity (Catholicism)</i>	0,6	0,9	–	0,9
	Христианство (протестантизм) <i>Christianity (Protestantism)</i>	0,4	0,4	–	0,9
	Ислам <i>Islam</i>	50,9	44,7	94,5	5,6
	Буддизм <i>Buddhism</i>	16,9	–	–	75,0
	Иудаизм <i>Judaism</i>	0,2	–	0,7	–
	Агностицизм <i>Agnosticism</i>	0,8	0,9	–	1,9
	Верю в Бога, но не отношу себя ни к одной религии <i>I believe in God, but I have no religion</i>	4,4	5,3	2,1	5,6
	Не верю в Бога <i>I do not believe in God</i>	0,4	0,4	0,7	–
Другое (укажите) <i>Other (specify)</i>	0,8	0,4	1,4	0,9	

большинство в регионе (48,2%). Ислам же занимает прочное положение в двух из трех регионов (см. табл. 2).

Помимо уровня религиозности нас также интересовало влияние различных сфер на формирование религиозной идентичности среди студенческой молодежи (см. табл. 3).

При анализе ответов нами были выбраны следующие сферы влияния, которые можно условно типологизировать на:

- человеческий фактор — семья, друзья;

Таблица 3. Сферы влияния на процесс формирования религиозной идентичности студенческой молодежи, %

Table 3. Areas of influence in shaping the religious identity of student youth, %

Вопрос <i>Question</i>	Варианты ответов <i>Multiple choice</i>	Всего, % <i>General</i>	Астраханская обл. <i>Astrakhan reg.</i>	Дагестан <i>Dagestan</i>	Калмыкия <i>Kalmykia</i>
Что оказывает наибольшее влияние на Вашу религиозную идентичность? (возможно выбрать не более 3-х вариантов ответа) <i>What has the greatest influence on your religious identity? (you can choose no more than 3 answers)</i>	Семья <i>Family</i>	52,6	58,1	43,8	55,2
	Друзья <i>Friends</i>	13,3	10,0	17,4	13,6
	Образователь- ное учреждение <i>Educational institution</i>	5,1	3,3	5,5	7,8
	СМИ <i>Mass Media</i>	0,6	0,3	1,3	0
	Интернет <i>The Internet</i>	2,5	1,7	5,1	0
	Религиозные сайты и блоги <i>Religious sites and blogs</i>	4,3	4,7	6,8	0
	Священнослу- жители <i>The clergy</i>	6,4	5,6	4,7	10,4
	Затрудняюсь ответить <i>Not sure</i>	15,2	16,3	15,3	13,0

- институциональный фактор — образовательное учреждение, священнослужители;
- виртуальный фактор — СМИ, Интернет, религиозные сайты и блоги.

Во всех трех регионах первоочередными ценностями являются семья — 52,6% (базовая ценность) и друзья — 13,3%. Несмотря на относительно высокую религиозность в РП, священнослужители, по мнению респондентов, практически не оказывают никакого влияния на формирование их религиозной идентичности (наибольший уровень их влияния в Калмыкии — 10,4%). Такой же низкий уровень влияния и у образовательных учреждений. Похожей позиции придерживается российский социолог А. В. Аникина, которая на основании проведенного исследования пришла к выводу, что «родительская семья является одним из факторов религиозного воспитания молодёжи, однако не способна обеспечить воцерковленность молодого поколения» (Аникина, 2008). Другой отечественный исследователь Е. И. Уфимцева считает, что «семья выполняет значительную функцию в религиозном воспитании подрастающего поколения» (Уфимцева, 2014). Зарубежные религиоведы также сходятся во мнении, что именно семья играет одну из главных ролей в процессе формирования религиозности своих детей. К примеру, Э. Рустин полагает, что «религиозные установки, полученные ребенком в период семейного

воспитания, имеют основополагающее значение для дальнейшего формирования его религиозной идентичности» (Roostin, 2018). М. А. Гудман и В. Дж. Дайер, исследуя роль родителей в процессе формирования религиозности детей в возрасте от 13 до 19 лет, считают, что религиозные установки родителей — «один из наиболее важных факторов формирования религиозности молодого поколения» (Goodman, Dyer, 2020). Отметим, что в исследовании М. А. Гудмана и Дж. Дайера, помимо других факторов, передача религиозных установок была наиболее заметной в семьях с высоким уровнем семейных религиозных практик, а также среди подростков, более физиологически чувствительных к окружающей среде.

Таким образом мы видим, что на формирование религиозной идентичности молодежи РП, так же, как на российскую и зарубежную молодежь в целом, наибольшее влияние оказывает именно человеческий фактор. Причем, как это ни парадоксально, но наименьший процент влияния семьи (43,8%) в наиболее религиозном регионе — Дагестане, а наибольший (58,1%) — среди наименее религиозного студенчества Астрахани. За счет влияния дружеского круга в Дагестане влияние человеческого фактора выравнивается и основном по региону является самым значительным. Институциональный фактор влияния в целом небольшой и наиболее высокий в Калмыкии, возможно, в связи с отмеченной связью этничности и религиозности. Виртуальный фактор является наиболее влиятельным в практически моноконфессиональном Дагестане предположительно потому, что в исламе транснациональные виртуальные сети наиболее развиты, и совсем не оказывает влияния в Калмыкии. Следует также отметить, что практически каждый шестой опрошенный затруднился с ответом, возможно в силу сложности для себя дифференциации факторов влияния.

На вопрос: «Есть в Вашем окружении друзья или знакомые, придерживающиеся какой-либо религии или мировоззрения?» подавляющее большинство респондентов — представителей студенческой молодежи (93,6%), ответили положительно. Данный результат подтверждает высокую распространенность религии в современном российском обществе, включая и молодежную группу населения. Анализируя ответы респондентов на вопрос об обращении внимания на религиозную принадлежность своих родственников, друзей и знакомых, необходимо отметить незначительные различия относительно объекта обращения внимания. Представители студенческой молодежи в большей степени обращают внимание на религиозную принадлежность своих родственников (50,7%) нежели на религиозную принадлежность своих друзей и знакомых (42,5%). Это так же подчеркивает важность фактора семьи в формировании религиозной идентичности молодого поколения. Общий баланс ответов респондентов на данный вопрос находится приблизительно на равном уровне, с расхождением в 8,2%.

Результаты ответов на данный вопрос указывают на формирование переходной модели в форме контроля за религиозной принадлежностью социального окружения, что в свою очередь указывает на размывание религиозных границ между членами общества, особенно среди представителей студенческой молодежи (см. табл. 4). Если исходить из распределения ответов по регионам, то на религиозную идентичность родственников в наименьшей степени обращают внимание респонденты из Астраханской области (46,1%), в наибольшей — в Калмыкии (57,6%), возможно в силу поликонфессиональности Астрахани. Следует также отметить, что наибольший процент расхождения в ответах (религиозная принадлежность

Таблица 4. Отношение представителей студенческой молодежи к религиозной принадлежности окружающих, %

Table 4. Attitudes of student youth towards the religious affiliation of those around them, %

	Обращают внимание <i>They pay attention</i>	Не обращают внимания <i>They ignore</i>
Религиозная принадлежность своих родственников <i>Religious affiliation of relatives</i>	50,7	49,3
Религиозная принадлежность своих друзей и знакомых <i>Religious affiliation of friends and acquaintances</i>	42,5	57,5

родственников и друзей) наблюдается именно у респондентов, представителей Калмыкии, — 11,2%, наименьший — 6,7% у респондентов-астраханцев.

В подтверждение указанных выводов в ходе проведенного анализа данных социологического исследования было выявлено, что подавляющее большинство опрошенных (81,4%) не считают религию важным фактором при формировании дружеских отношений между людьми. Религию считают важным фактором при формировании дружеских отношений только 18,5% респондентов. Чаще всего религиозный фактор в данной ситуации проявляет себя в Дагестане — 31,7%, реже всего в Астраханской области — 13,7%, что, на наш взгляд, связано с конфессиональной средой в каждом из регионов.

Чтобы оценить состояние социетальной и конфессиональной безопасности, важно выяснить уровень толерантности в молодежной среде региона. Без этого показателя невозможно понять характер отношений между последователями различных вероисповеданий. На вопрос: «Испытываете ли Вы на себе недоброжелательное отношение из-за своей принадлежности к определенной религии или мировоззрению?» абсолютное большинство участников опроса (90,7%) ответили отрицательно, что может свидетельствовать о закреплении в индивидуальном и массовом сознании индивидов и дальнейшей адаптации в социальных практиках толерантного отношения к различным формам религий и другим различным формам мировоззрения.

Если говорить о «ландшафте» интолерантности, то наибольший рост интолерантности молодежь РП ощущает в стране в целом (51,1%), затем в регионе проживания — 40,2%, наиболее толерантна среда учебного заведения (см. табл. 5).

Однако, исходя из распределения ответов по конфессиональному признаку, наибольший процент утвердительных ответов, касающихся роста интолерантности, наблюдается у представителей ислама (61,4% — в стране проживания, 41% — в регионе проживания, 33,2% — в учебном заведении). В остальных конфессиях по всем трем индикаторам уровень интолерантности не превышает 47%, т.е. ощущение безопасности на всех трех уровнях есть только у половины опрошенных.

Но сами опрошенные в большинстве своем (72,8%) показали свою толерантность по отношению к другим конфессиям, выразив свое несогласие с тем, что представители других религий или мировоззрений, требуя уважать свою религию или мировоззрение, тем самым притесняют религиозные верования других людей. Для многих из них (76,7%) гарантом безопасности является исповедание религии. Причем этот показатель выше уровня проявленной религиозности (65,4%).

Таблица 5. Уровень интолерантности, %

Table 5. Level of intolerance, %

	Определенно считают, что наблюдается рост <i>Definitely think it is growing</i>	Скорее считают, что наблюдается рост <i>They think it's going up</i>	Скорее не считают, что наблюдается рост <i>They don't think it's going up</i>	Определенно не считают, что наблюдается рост <i>They definitely don't think it's going up</i>
1. В стране проживания <i>In the country of residence</i>	31,0	20,1	24,0	24,9
2. В регионе проживания <i>In the region of residence</i>	24,2	16,0	26,6	33,2
3. В учебном заведении <i>At an educational institution</i>	21,6	9,2	25,3	44,0

Анализируя ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы, что на сегодняшний день религия не играет заметной роли в жизни современной молодежи?» основная масса респондентов всей выборочной совокупности исследования (60,7%) указала на согласие с данным утверждением. Но при проведении дополнительного анализа с использованием таблиц сопряженности между рассматриваемым вопросом и социально-демографическими переменными — регион проживания и религиозная принадлежность, было выявлено, что наибольший процент утвердительных ответов, касающихся незначительной роли религии в жизни современной молодежи, наблюдается у христиан — 75,4%. Представители ислама, наоборот, считают весьма заметной роль религии в своей жизни (см. Табл. 6).

В заключение можно отметить, что религия по-прежнему занимает устойчивые позиции в обществе и является неким гарантом безопасности, но одновременно с этим выявляется тенденция ослабления в глазах студенческой молодежи влияния традиционных религий на общественную жизнь — 23,8%, и даже превращения в атеизм — 15,3%. (см. табл. 7).

Также высок процент респондентов во всех исследуемых регионах, затруднившихся с ответом на данный вопрос. Возможно, это связано с растущим религиозным индифферентизмом в среде российской молодежи. Некоторые отечественные исследователи связывают данный феномен с «утратой традиционного уклада семейной жизни» (Сушко, Васенина, 2019), другие же — со слабым влиянием как самой религии, так и религиозных институтов на студенческую молодежь (Ляушева, Жаде, 2018). А социолог Т. С. Тронина утверждает, что религия в жизни большинства россиян присутствует на уровне формальности и не затрагивает уровень убеждений и религиозного знания: «при высокой декларируемой религиозности мы ведем секулярный образ жизни, руководствуемся в своей повседневной жизни светскими моделями поведения и деятельности» (Тронина, 2014).

Таблица 6. Согласие/несогласие с утверждением о наличии особой роли религии в жизни современной молодежи, %

Table 6. Acceptance of/opposition to the assertion of the special role of religion in the lives of modern youth, %

Вопрос <i>Question</i>	Варианты ответов <i>Multiple choice</i>	(%) Общий <i>General</i>	Христианство <i>Christianity</i>	Ислам <i>Islam</i>	Буддизм <i>Buddhism</i>
Считаете ли Вы, что на сегодняшний день религия не играет заметной роли в жизни современной молодежи? <i>Do you believe that, to date, religion does not play a significant role in the lives of modern youth?</i>	Да, определенно так считаю <i>Definitely yes</i>	28,1	29,5	12,7	21,0
	Скорее так считаю <i>Rather yes</i>	32,7	45,9	25,4	48,1
	Скорее так не считаю <i>Rather no</i>	23,4	15,6	36,1	19,8
	Нет, определенно так не считаю <i>Definitely no</i>	15,8	9,0	25,8	11,1

Заключение

Итак, поликонфессиональная студенческая молодежь российского Прикаспия показывает достаточно высокий уровень религиозности в первую очередь за счет весомо представленного в регионе ислама и буддизма, т.е. в тех регионах, где конфессиональные маркеры являются подтверждением и дополнением этнического статуса. Религиозная идентичность молодежи РП формируется, прежде всего, за счет человеческого фактора и ближнего круга, что является традиционным диахронным моментом для всех исторических религий. Несмотря на то, что значительная часть молодежи не видит у религии, как у системообразующего фактора социетального будущего, в религии она видит некую гарантию безопасности, причем даже та ее часть, которая не квалифицирует себя как верующие. Даже в практически мономульманском Дагестане только 23,2% опрошенных считают, что влияние религии на общественную жизнь будет усиливаться. Таким образом, с позиции молодежи можно предположить, что религия будет уходить на частный, семейный уровень, на котором на данном этапе и формируются основные черты религиозной идентичности молодого поколения, т.е. превращаться в некоего морального гаранта в кантовском смысле.

В целом показав достаточно высокий уровень толерантности, признавая, что исповедующие другую конфессию не наносят этим ущерба вере других и имеют на это право, молодежь не ощущает ответной толерантности в российском обществе. Половина опрошенных считает, что уровень интолерантности растет, прежде всего, в стране в целом, а потом уже в регионе. Относительным оплотом толерантности в социуме становится учебное заведение, где в результате активной мобильности присутствуют студенты разных национальностей и вероисповеданий. Однако учебное заведение (как высшее, так и среднее), превратившись в организацию по оказанию образовательных услуг, упустило факторы мировоззренческого влияния.

В настоящий момент, когда минимизирована молодежная мобильность между регионами, а экономика находится в стагнации, коллективная конфессиональная

Таблица 7. Религиозная ситуация в современной России глазами молодежи РП (%)
 Table 7. The religious situation in modern Russia through the eyes of the youth in Astrakhan region, Dagestan and Kalmykia, %

Вопрос Question	Варианты ответов Multiple choice	Всего, % General	Астраханская обл. Astrakhan reg.	Дагестан Dagestan	Калмыкия Kalmykia
Как Вы считаете, что будет с религиозной ситуацией в современной России? What do you think will happen to the religious situation in modern Russia?	Влияние религий на общественную жизнь усилится <i>The influence of religions on public life will increase</i>	13,8	10,2	23,2	11,9
	Влияние религий на общественную жизнь ослабнет <i>The influence of religions on public life will weaken</i>	23,8	24,7	22,8	22,5
	Традиционные религиозные институты станут «атавизмом» (станут пережитком прошлого) <i>Traditional religious institutions become «atavism» (become a relic of the past)</i>	15,3	19,2	9,4	11,9
	Станут популярными виртуальные формы религиозности <i>Virtual forms of religiosity will become popular</i>	3,6	3,5	2,2	5,3
	Затрудняюсь ответить <i>Not sure</i>	43,6	42,4	42,2	48,3

идентичность если и ощущает давление, то либо со стороны социума в целом, что показало наше исследование, либо со стороны региональных социетальных сообществ, что показали исследования наших коллег. Каждый регион занимает в сфере межконфессиональных отношений свою нишу, обусловленную историческими корнями. А в целом РП в конфессиональной сфере представляет собой тренажник, что придает устойчивость всей конструкции. Но надо учитывать, что даже на данный момент изменились, по сравнению с прошлым веком, пропорции представленности в РП трех мировых религий, а если учесть всю территорию Прикаспия, то это уже вряд ли можно назвать тренажником. Активные движения по освоению коллективных региональных проектов, таких как, например, создание

каспийского хаба или любых других, связанных с мобильностью и трансформацией каспийского сообщества, которые чрезвычайно важны для будущего региона и прежде всего для молодежи, могут привести к сдвигам уже сложившихся соотношений в межрегиональном сообществе. Причем эти сдвиги могут иметь как позитивную, так и негативную окраску. В данном случае концепция социетальной безопасности дает нам методологию понимания перспектив трансформации ситуации и ее последствий.

Библиографический список

- Абдулагатов, З. М. (2012). Религия в системе идентичностей молодежи Республики Дагестан. *Исламоведение*, 4, 10–20.
- Александрова, Е. А., Хухлаев, О. Е. (2017). Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия). *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 19, 156–164.
- Аникина, А. В. (2008). *Религиозность современной российской молодежи* (Кандидатская диссертация). Нижний Новгород.
- Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020). Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса). *Новые исследования Тувы*, 1, 35–49. DOI:10.25178/nit.2020.1.3.
- Викторин, В. М. Идрисов, Э. (2004). Астраханский мир: прежние и новые границы межэтнического единства и сотрудничества. *Астраханские известия*, 5. Режим доступа <https://dlib.eastview.com/browse/doc/5842206>.
- Волгин, В. Л. (2017). Особенности этнической, гражданской и религиозной идентичности студентов в Калмыкии. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*, 2, 76–80.
- Всероссийская перепись населения (2010). *Управление Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и Республике Калмыкия*. Режим доступа <https://astrastat.gks.ru/folder/50776>
- Джабраилов, Ю. Д. (2020). Религиозность и гражданская идентификация молодежи в Республике Дагестан: современное состояние. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 12, 4–5, 90–102. DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-90-102.
- Ильяшенко, С. В. (ред.). (2012). *О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 в республике Дагестан. Статистический сборник*. Махачкала: Дагестанстат.
- Ляшueva, С. А., Жаде, З. А. (2018). Религиозная идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена. *Научные труды КубГТУ*, 10, 146–154.
- Мамараев, Р. М. (2018). Религиозно-политические установки в массовом сознании дагестанской молодежи. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 23, 4, 159–175. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.14.
- Мулянова, Б. М. (2009). Национальное самосознание и этническая идентификация студенческой молодежи Калмыкии. *Социологические исследования*, 9, 56–68.
- Парсонс, Т. (1993). Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS*, 2, 94–122.
- Пронина, Т. С. (2014). Религия в структуре идентичности современных россиян. *Религиоведение*, 2, 134–144.
- Рабданов, Р. М. (2017). Религиозная ситуация в Республике Дагестан и перспективы государственно-конфессиональных отношений. *Исламоведение*, 8, 45–53.
- Родионова, М. Е., Мамаева, Ю. А. (2020). Сохранение исторической памяти как важное условие социетальной безопасности. *Вопросы политологии*, 6(58), 1945–1955. DOI: 10.35775/PSI.2020.58.6.030.

- Романова, А. П. (2021). Концепция социетальной безопасности: теория, дискуссия и каспийские перспективы. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 1, 51–62.
- Романова, А. П., Карабущенко, П. Л. (ред.) (2007). *Астрахань-XXI век: социокультурная регионалистика*. Астрахань: ИД «Астраханский университет».
- Романова, А. П., Черничкин, Д. С. (2018). Коллективная идентичность в концепции социетальной безопасности: каспийский акцент. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(56), 160–167.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Баева, Л. В. и др. (2017). *Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография*. Астрахань: Астраханский государственный университет.
- Сушко, В. А., Васенина, И. В. (2019). Религиозность современной российской молодёжи как фактор формирования семейных ценностей. *Социодинамика*, 1, 122–137. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.1.28692.
- Топчиев, М. С., Дрягалов, В. С. (2016). Религиозная трансгрессия и религиозная идентичность молодежи на фронтальных территориях Северного Прикаспия. *Человек. Сообщество. Управление*, 17(4), 61–82.
- Уфимцева, Е. И. (2014). Роль семьи в религиозном воспитании в оценках мусульманской молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Социология, Политология*, 14(1), 15–22.
- Шишаев, М. Г., Яковлев С. Ю. (2017). Концептуальные основы оценки социетальной безопасности как фактор устойчивого развития региона. *Труды Кольского научного центра РАН*, 8, 28–37.
- Ahmadian, H. (2019). Societal (In)Security in the Middle East: Radicalism as a Reaction? *E-International Relations*. *E-International Relations*. Retrieved from <https://www.e-ir.info/2019/04/24/societal-insecurity-in-the-middle-east-radicalism-as-a-reaction/>
- Asiimwe, J-B. (2019). *The Domestication of “Societal Security” of the Copenhagen school: Africa in Focus*. Retrieved from https://thecfma.org/wp-content/uploads/2019/12/Societal-Security-the-Copenhagen-School_Assimwe-2019.pdf
- Busan, B. (2014). *An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Butler, E. (2007). Hungary and the European Union: the Political Implications of Societal Security Promotion. *Europe-Asia Studies*, 59(7), 1115–1144.
- Buzan, B., Waever, O. & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Goodman, M. A., & Dyer, W.J. (2020). From Parent to Child: Family Factors that Influence Faith Transmission. *Psychology of Religion and Spirituality*, 12(2), 178–190. DOI: 10.1037/rel0000283.
- McSweeney, B. (1996). Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*, 22, 81–93.
- Ozolina, Z. (Ed.). (2016). *Societal Security. Inclusion-Exclusion Dilemma. A Portrait of Russian-Speaking Community in Latvia*. Latvia: ZINATNE.
- Romanova, A., Topchiev, M., Chernichkin, D., Dryagalov, V. & Bicharova, M. (2019). Religious Identity Transgression in Students Community of Caspian Region and Southern Russia. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, LXXVI, 2684–2693. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.361.
- Roostin, E. (2018). Family Influence on the Development of Children. *Journal of Elementary Education*, 2(1), 1–12. DOI: 10.22460/pej.v1i1.654.
- Spruds, A., Aaltola, M., Kuznetsov, B. & Vizgunova, E. (Eds). (2018). *Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance*. Riga: Latvian Institute of International Affairs.

- Sundelius, B. (2016). Societal Security: An Emerging Field of Scholarship Underpinning Practices in the Baltic Sea Region. In M. Andžāns & I. Bruže (Eds). *The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered* (pp. 157–169). Riga: Hansa Print.
- Topchiev, M., Iakushenkova, O. & Dryagalov, V. (2016) Religious transgression on frontier heterotopia. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*, 3(2), (pp. 815–820). DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.108.
- Williams, M. C. (2003). Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics. *International Studies Quarterly*, 47(4), 511–531.

Статья поступила в редакцию 18.02.2021

Статья принята к публикации 14.03.2021

Для цитирования: Черничкин Д. А., Топчиев М. С., Рогов А. В. Влияние уровня религиозной идентичности на конфессиональную безопасность студенческой молодежи российского Прикаспия. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 1. С. 105-123.

RELIGIOUS IDENTITY AND CONFESSIONAL SECURITY THROUGH THE EYES OF THE STUDENT YOUTH OF THE RUSSIAN CASPIAN REGION

D. A. Chernichkin, M. S. Topchiev, A. V. Rogov

Dmitriy A. Chernichkin.

E mail: chernichkin95@mail.ru. ORCID 0000-0002-9647-7916.

Mikhail S. Topchiev.

E mail: ceo.gfn@gmail.com. ORCID 0000-0001-8296-663.

Aleksandr V. Rogov.

E mail: alexr.89@mail.ru. ORCID 0000-0002-3512-8317.

Institute of Southern Russia and Caspian Region Studies, Astrakhan State University, Tatishchev St., 20A, Astrakhan, 414056, Russia

Acknowledgements. The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 18-78-10064) “Transformation of mechanisms of formation of post-transgress model of religious identity in the modern information space”.

Abstract. Important factors of both confessional and societal security are important factors of both confessional and societal security. Social media resistant level gauge. In this article, the study focused on the student youth of the Caspian region, and the subject is their view of their own religious identity and confessional security. The starting point was regional studies conducted over the past 10 years by researchers from the Republic of Kalmykia, the Republic of Dagestan and the Astrakhan Region. The purpose of this article is to identify the level of confessional security of the Russian part of student youth in the Caspian region. For this, in November–December 2020. sociological research was carried out among students of higher educational institutions of the Russian Caspian region (N732). Method of obtaining primary sociological information: handout electronic questionnaires using the Survey Studio service. Sampling error — no more than 3%. The research toolkit and matrix were developed by the authors. In the course of the research, a high level of students’ religiosity was revealed, mainly due to Dagestan and Kalmykia. The main factor of religious identity was the human, institutional factor most clearly manifested itself in Kalmykia, and the virtual one in Dagestan. The results of the study show that the youth of the Caspian region is inclined towards tolerance, but does not give a sufficient sense of reciprocal tolerance both at the national and regional levels. Their own educational institutions seem to be the most tolerant. Not recognizing the religion of the societal future as a systemic regulator, nevertheless, significant students, both believers and non-believers. recognizes her as a kind of guarantor of security.

Keywords: religion, identity, Caspian Sea region, confessional security, societal security, youth.

DOI 10.31429/26190567-22-1-105-123

References

- Abdulagatov, Z. M. (2012). *Religiya v sisteme identichnostey molodezhi Respubliki Dagestan* [Religion in the System of Youth Identity in the Republic of Dagestan]. *Islamovedenie* [Islamic Studies], 4, 10–20.
- Ahmadian, H. (2019). Societal (In)Security in the Middle East: Radicalism as a Reaction? E-International Relations. *E-International Relations*. Retrieved from <https://www.e-ir.info/2019/04/24/societal-insecurity-in-the-middle-east-radicalism-as-a-reaction/>
- Aleksandrova, E. A., Huhlaev, O. E. (2017). Osobennosti religioznoy identichnosti u buddistskoj molodezhi (na primere studencheskoj molodezhi Respubliki Kalmykiya) [Specifics of Youth Buddhists Religious Identity (The Case of Kalmyk Buddhist Youth)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies], 19, 156–164.
- Anikina, A. V. (2008). *Religioznost' sovremennoy rossiyskoj molodezhi* [Religiousness of Modern Russian Youth] (Candidate Dissertation). Nizhniy Novgorod.
- Asiimwe, J-B. (2019). *The Domestication of "Societal Security" of the Copenhagen school: Africa in Focus*. Retrieved from https://thecfma.org/wp-content/uploads/2019/12/Societal-Security-the-Copenhagen-School_Assimwe-2019.pdf
- Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P., Antonov, V. I., Ochirova, O. A. (2020). Rossiya i buddijskij mir glazami molodezhi Tuvy, Buryatii i Kalmykii (po materialam sociologicheskogo oprosa) [Russia and The Buddhist World Through the Eyes of the Youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: A Sociological Survey and Its Outcomes]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 1, 35–49. DOI:10.25178/nit.2020.1.3.
- Busan, B. (2014). *An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Butler, E. (2007). Hungary and the European Union: the political Implications of Societal Security Promotion. *Europe-Asia Studies*, 59(7), 1115–1144.
- Buzan, B., Waeber, O. & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers;
- Dzhabrailov, Yu. D. (2020). Religioznost' i grazhdanskaya identifikaciya molodezhi v Respublike Dagestan: sovremennoe sostoyanie [Religiousness and Civic Identity of Youth in the Republic of Dagestan: Current State]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Idea], 12, 90–102. DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-90-102.
- Goodman, M. A., & Dyer, W. J. (2020). From Parent to Child: Family Factors that Influence Faith Transmission. *Psychology of Religion and Spirituality*, 12(2), 178–190. DOI: 10.1037/rel0000283
- Il'yashenko S. V. (Ed.). (2012). *O nekotoryh itogah Vserossiyskoj perepisi naseleniya 2010 v respublike Dagestan. Statisticheskij sbornik* [On Some Results of the 2010 All-Russian Population Census in the Republic of Dagestan. Statistical Compendium]. Mahachkala: Dagestanstat.
- Lyausheva, S. A., Zhade, Z. A. (2018). Religioznaya identichnost': nekotorye podhody k osmysleniyu fenomena [Religious Identity: Some Approaches to Understanding the Phenomenon]. *Nauchnye trudy KubGTU* [scientific works of the Kuban State Technological University], 10, 146–154.
- Mamaraev, R. M. (2018). Religiozno-politicheskie ustanovki v massovom soznanii dagestanskoj molodezhi [Religious and Political Attitudes in the Mass Consciousness of the Dagestani youth]. *Vestnik VolGU. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya], 23, 4, 159–175. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.14
- McSweeney, B. (1996). Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*, 22, 81–93.
- Munyanova, B. M. (2009). Nacional'noe samosoznanie i etnicheskaya identifikaciya studencheskoj molodezhi Kalmykii [National Self-Consciousness and Ethnic Identification of Kalmykia Students]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 9, 56–68.

- Ozolina, Z. (Ed.). (2016). *Societal Security. Inclusion-Exclusion Dilemma. A Portrait of Russian-Speaking Community in Latvia*. Latvia: ZINATNE.
- Parsons, T. (1993). Ponyatie obshchestva: komponenty i ih vzaimootnosheniya [The Concept of Society: The Components and Their Interrelations]. *THESIS [THESIS]*, 2, 94–122.
- Pronina, T. S. (2014). Religiya v strukture identichnosti sovremennyh rossiyan [Religion in Modern Russians' Identity Structure]. *Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2, 134–144.
- Rabadanov, R. M. (2017). Religioznaya situaciya v Respublike Dagestan i perspektivy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy [The Religious Situation in the Republic of Dagestan and the Prospects of Church-State Relations]. *Islamovedenie* [Islamovedenie], 8, 45–53.
- Rodionova, M. E., Mamaeva, Yu. A. (2020). Sohranenie istoricheskoy pamyati kak vazhnoe uslovie societal'noy bezopasnosti [Preservation of Historical Memory as an Important Condition for Social Security]. *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 6(58), 1945–1955. DOI: 10.35775/PSI.2020.58.6.030
- Romanova, A. P. (2021). Konceptsiya societal'noj bezopasnosti: teoriya, diskussiya i kaspiskie perspektivy [The Concept of Societal Security: Theory, Discussion, and Caspian Perspective]. *Caspium Securitatis: zhurnal kaspiskoy bezopasnosti* [Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security], 1, 51–62.
- Romanova, A. P., Chernichkin, D. S. (2018). Kollektivnaya identichnost' v koncepcii societal'noy bezopasnosti: kaspiskiy akcent [Collective Identity in The Concept of Social Security: The Caspian Accent]. *Kaspiskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 3(56), 160–167.
- Romanova, A. P., Karabushchenko, P. L. (Eds) (2007). *Astrahan'-XXI vek: sociokul'turnaya regionalistika* [Astrakhan-XXI Century: Socio-Cultural Regional Studies]. Astrahan': ID "Astrahanskiy universitet".
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Baeva, L.V. et al. (2017). *Kul'turnaya bezopasnost' v usloviyah geterotopii: monografiya* [Cultural Safety in Conditions of Heterotopy: Monograph]. Astrahan': Astrahanskiy gosudarstvennyy universitet.
- Romanova, A., Topchiev, M., Chernichkin, D., Dryagalov, V. & Bicharova, M. (2019). Religious Identity Transgression in Students Community of Caspian Region and Southern Russia. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, LXXVI, 2684–2693. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.361.
- Roostin, E. (2018). Family Influence on the Development of Children. *Journal of Elementary Education*, 2(1), 1–12. DOI: 10.22460/pej.v1i1.654.
- Shishaev, M. G., Yakovlev S. Yu. (2017). Konceptual'nye osnovy ocenki societal'noy bezopasnosti kak faktor ustojchivogo razvitiya regiona [Conceptual Basis for Assessment of Societal Security as a Factor of Sustainable Development of The Region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Transactions of the Kola Science Centre], 8, 28–37.
- Spruds, A., Aaltola, M., Kuznetsov, B. & Vizgunova, E. (Eds). (2018). *Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance*. Riga: Latvian Institute of International Affairs.
- Sundelius, B. (2016). Societal Security: An Emerging Field of Scholarship Underpinning Practices in the Baltic Sea Region. In M. Andžāns & I. Bruže (Eds). *The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered* (pp. 157–169). Riga: Hansa Print.
- Sushko, V. A., Vasenina, I. V. (2019). Religioznost' sovremennoy rossijskoj molodyozhi kak faktor formirovaniya semejnyh cennostej [Religiousness of the Modern Russian Youth as a Factor of Family Values Formation]. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 1, 122–137. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.1.28692.
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S. (2016). Religioznaya transgressiya i religioznaya identichnost' molodezhi na frontirnyh territoriyah Severnogo Prikaspiya [Religious Transgression and Religious Identity of Youth in The Frontier Territories of The Northern Caspian Sea Region]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 17(4), 61–82.

- Topchiev, M., Iakushenkova, O. & Dryagalov, V. (2016) Religious transgression on frontier heterotopia. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*, 3(2), (pp. 815–820). DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.108.
- Ufimceva, E. I. (2014). Rol' sem'i v religioznom vospitanii v ocenках musul'manskoj molodezhi [The Role of The Family in Religious Upbringing in Assessments of Muslim Youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya Sociologiya, Politologiya* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 14(1), 15–22.
- Viktorin, V. M. Idrisov, E. (2004). Astrakhanskiy mir: prezhnie i novye granitsy mezhetnicheskogo edinstva i sotrudnichestva [Astrakhan World: Old and New Boundaries of Interethnic Unity and Cooperation]. *Astrakhanskiye izvestiya* [Astrakhan News], 5. Retrieved from <https://dlib.eastview.com/browse/doc/5842206>.
- Volgin, V. L. (2017). Osobennosti etnicheskoy, grazhdanskoy i religioznoy identichnosti studentov v Kalmykii [Features of Ethnic, Civil and Religious Identity of Students in Kalmykia]. *Byulleten' Kalmykogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS], 2, 76–80.
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya [All-Russian Population Census] (2010). *Upravlenie Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Astrahanskoy oblasti i Respublike Kalmykiya* [Office of the Federal State Statistics Service for the Astrakhan Region and the Republic of Kalmykia]. Retrieved from <https://astrastat.gks.ru/folder/50776>
- Williams, M. C. (2003). Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics. *International Studies Quarterly*, 47(4), 511–531.

Received 18.02.2021
Accepted 14.03.2021

For citation: Chernichkin D. A., Topchiev M. S., Rogov A. V. Religious Identity and Confessional Security Through the Eyes of the Student Youth of the Russian Caspian Region. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 105-123.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).